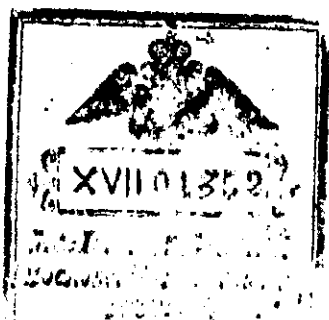

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

СОБРАНІЕ
ЛИРИКИ

КНИГА
ПЕРВАЯ

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

СОБРАНІЕ ЛИРИКИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИЗДАНИЕ

В. В. ПАШУКАНИСА.

К. Д. Бальмонтъ
К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ПОДЪ СЪВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ.

ЭЛЕГИ, СТАНСЫ, СОНЕТЫ.

МОСКВА

1917.

Подъ Севернымъ Небомъ.

До самаго конца вы будете мнѣ мила,
Родного Севера нептиминыя цвѣты.
Поденя жиниъ спинуциѣ. Дышаны чистоты.
Пегамьной тоноша. Дроганы скройой сими.

Ни косы босергия, ни вотоция пили
Еще не тронули росудией красоты
Но замуланены росой ей черты.
И тоъ, предъ котиль вся жизнь, расслыманъ жовъ логиты.

Судьба сгасливая дала мнѣ первый день.
Судьба престокая второй мой день послала.
И въ тоноги моей не медъ я зналъ, а трамъ.

Подъ громкий лай собакъ бьранъ въ итсаль оленъ.
И тона падала. А сиданъ расувѣтана
Трустанка синяя, роняя въ воду тѣнъ.

1916. 7 сентября.
Надъ Окой.

К. Павловъ.

ПОДЪ СЪВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ.

Ohne das Gefolge der Trauer
ist mir das Göttliche im Leben nie
erschienen.

Lenau.

СМЕРТЬ.

Не вѣрь тому, кто говоритъ тебѣ,
Что смерть есть смерть: Она—начало жизни,
Того существованья неземного,
Передъ которымъ наша жизнь темна,
Какъ мигъ тоски—предъ радостью безпечной,
Какъ черный грѣхъ—предъ дѣтской чистотой,
Намъ не дано познать всю прелесть смерти,
Мы можемъ лишь предчувствовать ее,—
Чтобъ не было для нашихъ душъ соблазна
До времени покинуть міръ земной
И, не пройдя обычныхъ испытаній,
Уйти съ своими слабыми очами
Туда, гдѣ бѣ ослѣпилъ насъ высшій свѣтъ.
Пока ты человѣкъ, будь человѣкомъ
И на землѣ земное совершай,

Но сохрани въ душѣ огонь нетлѣнный
Божественной мистической тоски,
Желанье быть не тѣмъ, чѣмъ быть ты можешь.
Безтрепетно иди все выше—выше,
По лучезарнымъ чистымъ ступенямъ,
Пока передъ тобой не развернется
Воздушная нѣмая безконечность,
Гдѣ время прекращаетъ свой полетъ.
Тогда познаешь ты, что есть свобода
Въ разумной подчиненности Творцу,
Въ смиренномъ почитаніи Природы,—
Что какъ по непочатому пути
Всегда впередъ стремится наше Солнце,
Ведя съ собой и Землю и Луну
Къ прекрасному созвѣздыю Геркулеса,
Такъ, вѣчнаго исполнено стремленья,
Съ собой насъ увлекаетъ Божество
Къ невѣдомой, но благодатной цѣли.
Живи, молись—дѣлами и словами,
И смерть встрѣчай какъ лучшей жизни вѣсть.

ЗАРНИЦА.

Какъ въ небесахъ, объятыхъ тяжкимъ сномъ,
Порой сверкаетъ бѣглая зарница,
Но ей не отвѣчаетъ дальній громъ,—
Такъ точно иногда въ умѣ моемъ
Мелькаютъ сны, и образы, и лица,
Погибшіе во тьмѣ далекихъ лѣтъ,—
Но мимолетенъ ихъ непрочный свѣтъ,
Моя душа безмолвна, какъ гробница,
Въ ней отзыва на ихъ призывы нѣтъ.

МОЛИТВА.

Господи Боже, склони свои взоры
Къ намъ, истомленнымъ суровой борьбой,
Словомъ Твоимъ подвигаются горы,
Камни какъ тающій воскъ предъ Тобой!
Тьму отдѣлилъ Ты отъ яркаго свѣта,
Создалъ Ты небо, и Небо небесъ,
Землю, что трепетомъ жизни согрѣта,
Міръ, преисполненный скрытыхъ чудесъ!
Создалъ Ты Рай—чтобъ изгнать насъ изъ Рай.
Боже, опять насъ къ себѣ возврати,
Мы истомились, во мракѣ блуждая,
Если мы грѣшны, прости насъ, прости!
Не искушай насъ безцѣльнымъ страданьемъ,
Не утомляй непосильной борьбой,
Дай возвратиться къ Тебѣ съ упованьемъ,
Дай намъ, о, Господи, слиться съ Тобой!
Имя Твое непонятно и чудно,
Боже Нашъ, Отче Нашъ, полный любви!
Боже, намъ горько, намъ страшно, намъ трудно,
Сжался, о, сжался, мы—дѣти Твои!

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

Когда Луна сверкнетъ во мглѣ ночной
Своимъ серпомъ, блистательнымъ и нѣжнымъ,
Моя душа стремится въ міръ иной,
Плѣняясь всѣмъ далекимъ, всѣмъ безбрежнымъ.

Къ лѣсамъ, къ горамъ, къ вершинамъ бѣлоснѣжнымъ
Я мчусь въ мечтахъ, какъ будто духъ больной,
Я бодрствую надъ міромъ безмятежнымъ,
И сладко плачу, и дышу—Луной.

Впиваю это блѣдное сіянье,
Какъ эльфа, качаюсь въ сѣткѣ изъ лучей,
Я слушаю, какъ говоритъ молчанье.

Людей родныхъ мнѣ далеко страданье,
Чужда мнѣ вся Земля съ борьбой своей,
Я—облачко, я—вѣтерка дыханье.

НИТЬ АРИАДНЫ.

Межь прошлымъ и будущимъ нить,
 Я тку неустанной проворной рукою:—
 Хочу для грядущихъ столѣтій покорно и честно
 служить
 Борьбой, и трудомъ, и тоскою,—

Тоскою о томъ, чего нѣтъ,
 Что дремлетъ пока, какъ цвѣтокъ подъ водою,
 О томъ, что когда-то проснется чрезъ многія ты-
 сячи лѣтъ,
 Чтобъ вспыхнуть падучей звѣздою.

Есть много не сказанныхъ словъ
 И много созданий, не созданныхъ нынѣ,—
 Ихъ столько же, сколько песчинокъ среди беско-
 нечныхъ песковъ,
 Въ нѣмой Аравійской пустынѣ.

* * *

Уходить свѣтлый Май. Мой небосклонъ темнѣтъ.
 Пять быстрыхъ лѣтъ пройдетъ,—мнѣ минетъ трид-
 цать лѣтъ.

Замолкнуть соловьи, и холодомъ повѣтъ,
 И ясныхъ вешнихъ дней навѣкъ угаснетъ свѣтъ.
 И въ свой чередъ придутъ дни, полные скитаній,
 Дни, полные тоски, сомнѣній, и борьбы,
 Когда заноеетъ грудь подъ тяжестью страданій,
 Когда познаю гнетъ властительной Судьбы.
 И что мнѣ жизнь сулитъ? Къ какой отрадѣ манить?
 Быть-можетъ, дастъ любовь и счастье? О, нѣтъ!
 Она во всемъ солжетъ, она во всемъ обманетъ,
 И поведетъ меня путемъ тернистымъ бѣдъ.
 И тѣмъ путемъ идя, быть-можетъ, падать стану,
 Утрачу всѣхъ друзей, моей душѣ родныхъ,
 И,—что всего страшнѣй,—быть-можетъ, перестану
 Я вѣрить въ честь свою и въ правду словъ своихъ.
 Пусть такъ. Но я пойду впередъ безъ колебанья—
 И въ знойный день, и въ ночь, и въ холодъ, и въ
 грозу:—

Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
 Хочу я отереть хотя одну слезу!

* * *

Одна есть въ міръ красота.
Не красота боговъ Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не горь тяжелья громады,
И не моря, не водопады,
Не взоровъ женскихъ чистота.
Одна есть въ міръ красота—
Любви, печали, отреченья,
И добровольнаго мученья
За насъ распятаго Христа.

БОЛОТО.

О, нищенская жизнь, безъ бурь, безъ ощущеній,
Холодный полумракъ, безъ звуковъ и огня.

Ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ пѣснопѣній,
Ни тьмы ночной, ни свѣта дня.

Туманы, сумерки. Средь тусклаго мерцанья
Смѣшались контуры, и краски, и черты,
И въ царствѣ мертваго безсильнаго молчанья

Лишь дышуть ядовитые цвѣты.

Да жабы черныя, исчадія трясины,
Порою вынырнуть изъ грязныхъ спящихъ водъ,

И, словно радуясь обилью скользкой тины,
Ведутъ зловѣщій хороводъ.

БЕЗЪ УЛЫБКИ, БЕЗЪ СЛОВЪ.

На алмазномъ покровѣ снѣговъ,
Подъ холоднымъ сіяньемъ Луны,
Хорошо намъ съ тобой! Безъ улыбки, безъ словъ,
Обитатели призрачной свѣтлой страны,
Погрузились мы въ море загадочныхъ сновъ,
Въ царствѣ блѣдной Луны.

Какъ отрадно въ глубокой полуночный часъ
На мгновенье всѣ скорби по-дѣтски забыть,
И, забывъ, что любовь невозможна для насъ,
Какъ отрадно мечтать и любить,
Безъ улыбки, безъ словъ,
Средь ночной тишины,
Въ царствѣ чистыхъ снѣговъ,
Въ царствѣ блѣдной Луны.

РОДНАЯ КАРТИНА.

Стаи птицъ. Дороги лента.
Повалившійся плетень.
Съ огуманеннаго неба
Грустно смотритъ тусклый день.
Рядъ березъ, и видъ унылый
Придорожнаго столба.
Какъ подъ гнетомъ тяжелой скорби
Покачнулася изба.
Полусвѣтъ и полусумракъ,—
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давить душу
Безконечная печаль.

ЗАЧѢМЪ?

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебѣ молюсь въ вечерней мглѣ.

Зачѣмъ Ты даровалъ мнѣ душу неземную—
И приковалъ меня къ землѣ?

Я говорю съ Тобой сквозь тьму тысячелѣтій.
Я говорю Тебѣ, Творецъ,

Что мы обмануты, мы плачемъ, точно дѣти,
И ищемъ: Гдѣ же нашъ Отецъ?

Когда бъ хоть мигъ одинъ звучалъ Твой голосъ
внятно,

Я былъ бы радъ сіянью дня,

Но жизнь, любовь, и смерть,—все страшно, непо-
нятно,

Все неизбежно для меня.

Великъ Ты, Господи, но міръ Твой непривѣтенъ,
Какъ все великое, онъ нѣмъ.

И тысячи вѣковъ напрасень, безотвѣтенъ

Мой скорбный крикъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ?..“

* * *

Мнѣ ненавистенъ гулъ гигантскихъ городовъ,
Противъ гонимыхъ толпы движенье,
Мой духъ живетъ среди лѣсовъ,
Гдѣ въ тишинѣ уединенья
Слышнъ языкъ незримыхъ голосовъ,
Гдѣ неустанный бѣгъ часовъ
Не возмущаетъ упоенья,
Гдѣ сладко быть среди цвѣтовъ
И полной чашей пить изъ родника забвенья.

* * *

Я знаю, что значить—безумно рыдать,
Вокругъ себя видѣть пустыню бесплодную,
Что значить—съ отчаяньемъ въ зиму холодную
Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимнъ соловья
Лишь тѣмъ и хорошъ, что похожъ на рыданіе,
Что горь снѣговыхъ вѣковое молчаніе
Прекраснѣй, чѣмъ лепетъ ручья.

У СКАНДИНАВСКИХЪ СКАЛЪ.

Дремлють гранитныя скалы, викинговъ приютъ опу-
стѣвшій,
Мрачныя сосны одѣли ихъ твердую темную грудь.
Скорбь въ небесахъ разлита, точно грусть о мечтѣ
отлетѣвшей,
Ночь безъ Луны и безъ звѣздъ безшумно свер-
шаетъ свой путь.

Ластится къ берегу Море волной шаловливо-без-
печной,
Сердце невольно томится какою-то странной тоской:
Хочется слиться съ Природой, прекрасной, гигант-
ской, и вѣчной,
Хочется капелькой быть въ безграничной пучинѣ
морской.

ПРИЗРАКЪ.

Гдѣ бѣ ни былъ я, вездѣ, какъ тѣнь, со мной—
Мой милый братъ, отшедшій въ жизнь иную,
Тоскующій, какъ ангелъ неземной,
Въ своей душѣ таящій скорбь нѣмую,—
Такъ явственно стоитъ онъ предо мной.
И я, какъ онъ, и плачу, и тоскую;
Но плачу ли, смѣюсь ли,—духъ родной,—
Онъ никогда меня не покидаетъ,
Со мной живетъ онъ жизнью одной.
Лишь иногда въ тревожный часъ ночной,
Невольно умъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
И я его спрошу: „Въ странѣ иной,
За темною загадочной могилой,
Увидимся ль съ тобой, о, братъ мой милый?“
Въ его глазахъ тогда мелькаетъ тѣнь,
И слезы онъ блестящія роняетъ,
И какъ предъ ночью тихо гаснетъ день,
Такъ отъ меня онъ тихо улетаетъ.

У ФЬОРДА.

Хмуро Сѣверное небо,
Скорбны плачушія тучи,
Съ темныхъ скаль на воды фьорда
Мрачно смотритъ лѣсъ могучій.

Безотрадно здѣсь мерцанье
Безглагольной глубины,
Непривѣтны вздохи вѣтра
Между вѣтками сосны.

Прочь душа отсюда рвется,
Жаждетъ воли и простора,
Жаждетъ луга, травъ душистыхъ,
Ихъ зеленаго убора.

И встревоженной мечтою
Слышишь въ ропотѣ волны—
Колокольчикъ Русской тройки
Въ царствѣ степи и Луны.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ.

Еще послѣдній снѣгъ въ долину мглистой
На свѣтлый ликъ весны бросаетъ тѣнь,
Но ужъ цвѣтетъ душистая сирень,
И барвинокъ, и ландышъ серебристый.

Какъ кротокъ и отраденъ день лучистый,
И какъ привѣтна ивъ прибрежныхъ сѣнь.
Какъ будто ожилъ даже мшистый пенъ,
Склонясь къ водѣ, безтрепетной и чистой.

Кукушки нѣжный плачъ въ глуши лѣсной
Звучитъ мольбой тоскующей и странной.
Какъ весело, какъ горестно весной,—

Какъ мѣръ хорошъ въ своей красѣ неожиданной,
Контрастовъ мѣръ, съ улыбкой неземной,
Загадочный подъ дымкою туманной.

НОРВЕЖСКАЯ ДѢВУШКА.

Очи твои, голубыя и чистыя—
 Сліянье небесной лазури съ измѣнчивымъ блескомъ
 волны.

Пряди волосъ золотистыя
 Нѣжнѣе, чѣмъ нить паутины въ сіяньи вечерней
 Луны.

Вся ты—намекъ, вся ты—сказка прекрасная,
 Ты — отблескъ зарницы, ты — отзвукъ загадочной
 пѣсни безъ словъ.

Свѣтлая, дѣвственно ясная,
 Вакханка съ душою весталки, цвѣтокъ подъ покровомъ
 снѣговъ.

* * *

Ты—шелестъ нѣжнаго листка,
Ты—вѣтеръ, шепчущій украдкой,
Ты—свѣтъ, бросаемый лампадкой,
Гдѣ брезжить сладкая тоска.

Мнѣ чудится, что я когда-то
Тебя видалъ, съ тобою былъ,
Когда я сердцемъ то любилъ,
Къ чему мнѣ больше нѣтъ возврата.

ЧАЙКА.

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
Надъ холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
Такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безум-
ная,
Безпріютная чайка изъ дальней страны.

ГОРНЫЙ КОРОЛЬ.

скандинавская пѣсня.

Горный король на далекомъ пути.

— Скучно въ чужой сторонѣ.—

Дѣву-красавицу хочетъ найти.

— Ты не вернешься ко мнѣ.—

Видитъ усадьбу на мшистой горѣ.

— Скучно въ чужой сторонѣ.—

Кирстенъ-малютка стоитъ на дворѣ.

— Ты не вернешься ко мнѣ.—

Онъ называетъ невѣстой ее.

— Скучно въ чужой сторонѣ.—

Дѣвѣ даритъ ожерелье свое.

— Ты не вернешься ко мнѣ.—

Даль ей онъ кольца, и за руку взялъ.

— Скучно въ чужой сторонѣ.—

Кирстанъ-малютку въ свой замокъ умчалъ.

— Ты не вернешься ко мнѣ.—

Годы проходятъ, пять лѣтъ пронеслось.

— Скучно въ чужой сторонѣ.—

Много бѣдняжкѣ поплакать пришлось.

— Ты не вернешься ко мнѣ.—

Девять и десять умчалось лѣтъ.

— Скучно въ чужой сторонѣ.—

Кирстанъ забыла про солнечный свѣтъ.

— Ты не вернешься ко мнѣ.—

Гдѣ-то веселье, цвѣты, и весна.

— Скучно въ чужой сторонѣ.—

Кирстанъ во мракѣ тоскуетъ одна.

— Ты не вернешься ко мнѣ.—

КАРТИНКА.

Въ глухую ночь, неясною толпой,
Сбираются души моей созданья,
Тяжелою медлительной стопой
Проходятъ предо мной воспоминанья.

Я слышу пѣсни, смѣхъ, и восклицанья,
Я вижу, какъ неровною тропой,
Подъ ласкою вечерняго сянья,
Предъ сномъ идутъ стада на водопой.

Едва-едва передвигая ноги,
Вздымають пыль клубами у дороги
Толпы овецъ пушистыхъ и быковъ.

Пастухъ усталъ, объ ужинѣ мечтаетъ,
И надо всей картиною витаетъ
Веселый рой безпечныхъ сельскихъ сновъ.

* * *

О, если бь мнѣ сердце холодное,
Холодное сердце русалки,—
Чтобь могь я спокойно внимать неумолчному ро-
поту Моря,
И стону страданій людскихъ!

О, еслибь мнѣ крылья орлиныя,
Свободныя сильныя крылья,—
Чтобь могь я на нихъ улетѣть въ безграничное
царство Лазури,
Чтобь могь я не видѣть людей!

МЕЧТА.

Стекло Балтійскихъ водъ подь вѣтромъ чуть дро-
жало,
Среди печальныхъ шхеръ на Сѣверъ мы неслись.
Невольно ты ко мнѣ свой милый взоръ склоняла,
Въ двухъ молодыхъ сердцахъ мечты любви заж-
глись.

Ты мнѣ казалася волшебною загадкой,
Казался я тебѣ загадкою,—и мы
Мѣнялись взорами влюбленными, украдкой,
Подъ кровомъ Сѣверной вечерней полутьмы.
Какъ хороши любви застѣнчивыя ласки,
Когда двѣ юныя души озарены
Мечтой минутною, какъ чары дѣтской сказки,
Какъ очертанія причудливой волны.
Ни слова мы съ тобой другъ другу не сказали,
Но былъ нашъ разговоръ безъ словъ краснорѣчивъ,
Съ тобой разстался я безъ муки, безъ печали,
Но сохранилъ въ душѣ восторженный порывъ.
...Теперь другую страсть, страсть знойную, лелѣя,
Я болѣе плѣненъ той чистою мечтой,—
Какъ блѣдный Сѣверъ мнѣ и ближе, и милѣ,
Чѣмъ свѣтлый знойный Югъ съ своею красотой.

* * *

Когда между тучекъ туманныхъ
Полночной порой загорится Луна,
Душа непонятной печали полна,
Исполнена думъ несказанныхъ,
Тѣхъ чувствъ, для которыхъ названія нѣтъ,
И той Красоты безконечной,
Что, вспыхнувъ, зарницею вѣчной,
Сіяетъ потомъ въ черномъ сумракѣ лѣтъ.

* * *

Я разстался съ печальной Луною,—
Удалилась царица небесь,
Тамъ, въ горахъ, за ихъ черной стѣною,
Ея ликъ омраченный исчезъ.

И въ предутреннемъ сумракѣ ясномъ
Мнѣ послышался вздохъ вѣтерка,
И въ Лазури, на небѣ прекрасномъ,
Отразилась нѣмая тоска.

Силуэты лѣсныхъ великановъ
Молчаливо предстали вдали,
И покровы дрожащихъ тумановъ
Надъ заплаканнымъ лугомъ легли.

Вся Природа казалась больною
И какъ будто молила меня,
И грустила, прощаясь съ Луною,
Въ ожиданіи знойнаго дня.

РАЗЛУКА.

Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
 Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
 Въ виду береговъ Скандинавіи,
 Я думалъ, мой другъ, о тебѣ,—
 О тебѣ,
 Чей образъ со мной неразлученъ,
 Точно такъ же, какъ часъ возвѣщающій дню
 Приближеніе ночи
 Неразлученъ съ красавицей неба, Вечерней Звѣз-
 дой,—
 Какъ морская волна неразлучна съ пугливою чайкой.
 Много яркихъ свѣтилъ въ безграничномъ простран-
 ствѣ Лазури,—
 Лучезарный Арктуръ, Береники блестящія кудри,
 Оріонъ, и созвѣздіе Леды,
 Большая Медвѣдица,
 Но среди миллионовъ свѣтилъ
 Нѣтъ свѣтила прекраснѣй—Вечерней Звѣзды.
 Много птицъ, много гостей крылатыхъ, летитъ че-
 резъ Море,
 Бросивъ берегъ его, направляясь къ другому,

Что вдали гдѣ-то тамъ затерялся среди синевы и
 тумановъ,—

Но только одну бѣлокрылую чайку
 Съ любовью баюкаетъ, точно въ родной колыбели,
 Морская волна.

Чайка взлетаетъ къ нависнувшимъ тучамъ,

Чайка умчится въ далекія страны,—

Куда и зачѣмъ, врядъ ли знаетъ сама,—

Но снова, какъ странникъ,

Уставшій бродить въ безпріютныхъ краяхъ,

Прилетитъ она къ синей родимой волнѣ,

Прильнетъ къ ней своей бѣлоснѣжною грудью,—

И Солнце смѣется, взирая на нихъ,

И шлетъ имъ лучистыя ласки.

Такъ и я, разлучившись съ тобой,

О, мой другъ безконечно любимый,

Былъ сердцемъ съ тобой неразлученъ,

Я баюкалъ твой ласковый образъ въ своей трепе-
 тавшей груди,

Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,

Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,

Въ виду береговъ Скандинавіи.

* * *

Есть красота въ постоянствѣ страданія
И въ неизмѣнности скорбной мечты.
Знойнаго яркаго Солнца сіяніе,
Пышной Весны молодья черты
Въ сердцѣ не такъ вызываютъ сознаніе
Ласки больной, неземной красоты,
Какъ замка сѣдя руины, печальной Луны трепе-
таніе,
Застѣнчивыхъ сумерекъ скорбь, или осени грустной
листы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Липы душистой цвѣты распускаются...

Спи, моя радость, усни!

Ночь насъ окутаетъ ласковымъ сумракомъ,

Въ небѣ далекомъ зажгутся огни,

Вѣтеръ о чемъ-то зашепчетъ таинственно,

И позабудемъ мы прошлые дни,

И позабудемъ мы муку грядущую...

Спи, моя радость, усни!

Бѣдный ребенокъ, больной и застѣнчивый,

Мало на горькую долю твою

Выпало радости, много страданія.

Какъ наклоняется нѣжно къ ручью

Ива плакучая, ива печальная,

Такъ заглянула ты въ душу мою,

Ищешь отвѣта въ ней... Спи! Колыбельную

Я тебѣ пѣсню спою!

О, моя ласточка, о, моя дѣточка,
Въ мірѣ холодномъ съ тобой мы одни,
Радость и горе раздѣлимъ мы поровну,
Крѣпче къ надежному сердцу прильни,
Мы не измѣнимся, мы не разстанемся,
Будемъ мы вмѣстѣ и ночи и дни.
Вмѣстѣ съ тобою навѣкъ успокоимся...

Спи, моя радость, усни!

ПѢСНЬ ЮДИИ.

Изъ Библии.

Пусть кимвалы поють,
 Пусть тимпаны звучать,
 Богу Нашему гимнь,
 Стройный гимнь возгласять.

Пойте священныя пѣсни
 Въ честь Вседержителя-Бога,
 Онъ за народъ Свой смиренный
 Поднялъ десницу Свою.

Съ сѣверныхъ горъ, изъ далекой земли,
 Полчища вражьи Ассура пришли,
 Какъ саранча, не десятки, а тьмы,
 Конница ихъ заняла всѣ холмы.

Врагъ грозилъ, что предѣлы мои онъ сожжетъ,
 Что мечомъ моихъ юношей онъ истребитъ,
 И о камень младенцевъ моихъ разобьетъ,
 И расхититъ дѣтей,
 И плѣнитъ дочерей,
 Дѣвъ прекрасныхъ плѣнитъ.

Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложилъ всѣхъ враговъ Іудейской страны.
Не отъ юношей палъ Олофернь-великанъ,
Не рукою своей съ нимъ сражался титанъ.
Но Юдиень красотою лица своего
 Погубила его.

Громче звените, кимвалы,
Пойте звучнѣе, тимпаны,
Господу Нашему Богу
Пѣснь вознесемъ до Небесъ.

АВГУСТЪ.

Какъ ясенъ Августъ, нѣжный и спокойный,
Сознавшій мимолетность красоты.
Позолотивъ древесные листы,
Онъ чувства заключилъ въ порядокъ стройный.

Въ немъ кажется ошибкой полдень знойный,—
Съ нимъ больше сродны грустныя мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха отъ жизни беспокойной.

Въ послѣдній разъ, предъ остріемъ серпа,
Красуются колосья наливные,
Взамѣнъ цвѣтовъ вездѣ плоды земные.

Отраденъ видъ тяжелаго снопа,
А въ небѣ журавлей летитъ толпа,
И крикомъ шлетъ „Прости“ въ мѣста родныя.

* * *

О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня,
Пока въ твоихъ глазахъ сверкаетъ утро Мая.
Твой голосъ чуть дрожить, какъ серебро звеня,
Съ улыбкой на тебя взираетъ мать родная.
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!

Вездѣ насъ ждетъ печаль. Мрачна юдоль земная.
Мнѣ страшно за тебя. Я плачу. Я скорблю.
Изъ темнаго угла, твоимъ словамъ внимая,
Смотрю я на тебя и Господа молю:—
Пусть будетъ для нея легка стезя земная!

Увы, и предо мной блистали краски дня.
Мой день давно погасъ. Со мною тьма ночная.
И я когда-то пѣлъ, чужую скорбь гоня,
Когда-то и ко мнѣ склонялась мать родная...
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА *).

1.

Уходятъ дни. И вотъ ужъ десять лѣтъ
 Прошло съ тѣхъ поръ, какъ смерть къ тебѣ скло-
 нилась.

Но смерти для твоихъ созданій нѣтъ,
 Толпа твоихъ видѣній, о, поэтъ,
 Безсмертіемъ навѣки озарилась.

2.

Въ нѣмомъ гробу ты спишь глубокимъ сномъ.
 Родной страны суровыя мятели
 Рыдаютъ скорбно въ сумракѣ ночномъ,
 Баюкаютъ тебя въ твоей постели,
 И шепчутъ о блаженствѣ неземномъ.

*) Было прочитано авторомъ 31-го октября 1893 года въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, посвященномъ памяти И. С. Тургенева.

3.

Ты заслужилъ его. Во тѣмъ невзгоды,
 Когда, подъ тяжкимъ гнетомъ, край родной,
 Томясь напрасной жаждою свободы,
 Переживалъ мучительные годы,
 Ты былъ исполненъ думою одной:—

4.

Кумиръ неволи сбросить съ пьедестала,
 Живой волной ударить въ берега,
 Сломить ту силу, что умы сковала,—
 И ты поклялся клятвой Ганнибала,
 Жить лишь затѣмъ, чтобъ растоптать врага.

5.

И ты спустился въ темныя пучины
 Народной жизни, горькой и простой,
 Плѣняющей печальной красотой,
 И подсмотрѣлъ цвѣты средь грязной тины,
 Средь грубости—любви порывъ святой.

6.

И слился ты съ той свѣтлою плеядой,
 Предъ чьимъ огнемъ разсѣялася тьма,

Предъ чьимъ тепломъ растаяла зима.
 Нахлынули борцы живой громадой,—
 И пала крѣпостничества тюрьма.

7.

Но въ этотъ мигъ, зиждительный и чудный,
 Ты не хотѣлъ душою отдохнуть,
 Святымъ огнемъ твоя горѣла грудь,
 И вотъ опять—далекій, многотрудный,
 Передъ тобой открылся новый путь.

8.

Дворянскихъ гнѣздъ завѣтныя аллеи.
 Забытый садъ. Полузаросшій прудъ.
 Какъ хорошо, какъ все знакомо тутъ!
 Сирень, и резеда, и эпомеи,
 И георгины гордая цвѣтуть.

9.

Затмилась ночь. Чуть слышенъ листьевъ ропоть.
 За рошей чуть горить Луны эмаль.
 И въ сердцѣ молодомъ встаетъ печаль.
 И слышенъ чей-то странный, грустный шопоть.
 Кому-то въ этотъ часъ чего-то жаль.

10.

И тамъ вдали, гдѣ роща такъ туманна,
 Гдѣ лучъ едва трепещеть надъ тропой,—
 Елена, Маша, Лиза, Марианна,
 И Ася, и несчастная Сусанна—
 Собралися воздушною толпой.

11.

Знакомыя причудливыя тѣни,
 Созданія любви и красоты,
 И дѣвственной, и женственной мечты,
 Ихъ вызвалъ къ жизни чистый нѣжный геній,
 Онъ далъ имъ форму, краски, и черты.

12.

Не будь его, мы долго бы не знали
 Страданій женской любящей души,
 Ея завѣтныхъ думъ, нѣмой печали,
 Лишь съ нимъ для насъ впервые прозвучали
 Тѣ пѣсни, что таилися въ тиши.

13.

Онъ возмутилъ стоячихъ водъ молчанье,
 Запросамъ тайнымъ громкій далъ отвѣтъ,

Изъ тьмы онъ вывелъ женщину на свѣтъ,
Въ широкій міръ стремленій и сознанья,
На путь живыхъ восторговъ, битвъ, и бѣдъ.

14.

Вотъ почему, съ любовью вспоминая
О томъ, кто удалился въ міръ иной,
Предъ кѣмъ зажегся свѣточъ неземной,
Здѣсь собралась толпа ему родная,
Съ нимъ слившаяся мыслию одной:—

15.

Пусть мы съ тобой разлучены судьбою
Ужь десять невозвратныхъ долгихъ лѣтъ,
Но ты, нашъ другъ, учитель, и поэтъ,
Средь насъ живешь! Сверкаетъ надъ тобою
Безсмертія нетлѣнный чистый свѣтъ!

ЗАРЯ.

Брызнули первыя искры разсвѣта,
 Дымкой туманной покрылся ручей.
 Въ утренній часъ его рокоть звончѣй.
 Ночь умираеть... И вотъ ужь одѣта
 Въ нерукотворныя ткани изъ свѣта,
 Въ поясѣ пышномъ изъ яркихъ лучей,
 Мчится Заря благовоннаго лѣта

Изъ-за лѣсовъ и морей,
 Медлить на высяхъ обрывистыхъ горъ,
 Смотрится въ зеркало синихъ озеръ.
 Мчится Богиня Разсвѣта.

Слѣдомъ за ней

Легкой гирляндю эльфы несутся,
 Хоромъ поютъ: „Пробудилась Заря!“
 Эхомъ стократнымъ ихъ пѣсни вездѣ отдаются,
 Листья другъ къ другу съ безмолвною ласкою
жмутся,
 Въ небѣ—и блескъ изумруда, и блескъ янтаря,
 Нѣжныхъ малиновокъ пѣсни кристалльныя льются:
 „Кончилась Ночь! Пробудилась Заря!“

ДУХИ ЧУМЫ.

Мы спѣшимъ, мы плывемъ
На могучей волнѣ,
Незнакомы со сномъ,
Но всегда въ полуснѣ.

Слезы женъ и дѣтей
Не замѣтитъ нашъ глазъ,
И гдѣ смерть для людей,
Тамъ отрада для насъ.

Нашей властью звучатъ
Панихиды въ церквахъ,
Въ двери къ людямъ стучатъ
Смерть, и гибель, и страхъ.

Между вешнихъ листовъ,
Символь сгибнувшихъ силъ,
Милліоны крестовъ,
Милліоны могилъ.

Любо нѣжную мать
Умертвить, погубить,
Мы не можемъ ласкать,
Не умѣемъ любить.

Въ эти дни, какъ и встарь,
Каждый мигъ, каждый часъ,
Лучшій даръ на алтарь
Жизнь приносить для насъ.

И спѣшимъ, и плывемъ
Мы въ ночной тишинѣ,
Незнакомы со сномъ,
Но всегда въ полуснѣ.

ЧЕЛНЪ ТОМЛЕНЬЯ.

Вечерь. Взморье. Вздохи вѣтра.
Величавый возгласъ волнъ.
Близко буря. Въ берегъ бьется
Чуждый чарамъ черный челнъ.
Чуждый чистымъ чарамъ счастья,
Челнъ томленья, челнъ тревогъ,
Бросилъ берегъ, бьется съ бурей,
Ищетъ свѣтлыхъ сновъ чертогъ.
Мчится взморьемъ, мчится моремъ,
Отдаваясь волѣ волнъ.
Мѣсяцъ матовый взираетъ,
Мѣсяцъ горькой грусти полнъ.
Умеръ вечеръ. Ночь чернѣетъ.
Ропщетъ море. Мракъ растетъ.
Челнъ томленья тьмой охваченъ.
Буря воетъ въ безднѣ водъ.

* * *

О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взоромъ нѣжныхъ глазъ, и лаской поцѣлуя,
Я долженъ бы тебя всѣмъ сердцемъ презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь къ тебѣ, прощаю и люблю,
Живу одной тобой въ моихъ терзаньяхъ страстныхъ,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себѣ—за взглядъ очей прекрасныхъ,
За слово лживое, что истины нѣжнѣй,
За сладкую тоску восторженныхъ мученій!
Ты, море странныхъ сновъ, и звуковъ, и огней!
Ты, другъ и вѣчный врагъ! Злой духъ и добрый
гений!

ЦВѢТОКЪ.

Умеръ бѣдный цвѣтокъ на груди у тебя,
Онъ навѣки поблекъ и завялъ,
Но онъ умеръ тревожно и нѣжно любя,
Онъ недаромъ страдалъ.

Долго ждалъ онъ тебя на просторѣ полей,
Цѣлый день на груди красовался твоей,
Какъ онъ пышно, какъ чудно, какъ ярко блисталъ,
Онъ не даромъ любилъ и страдалъ.

* *
*

Дышали твои ароматныя плечи,
Упругія груди неровно вздымались,
Твои сладострастныя тихія рѣчи
Мнѣ чѣмъ-то далекимъ и смутнымъ казались.

Надъ нами повиснули складки алькова,
За окнами полночь шептала невнятно,
И было мнѣ это такъ чуждо, такъ ново,
И такъ несказанно, и такъ непонятно.

И грезилось мнѣ, что, прильнувъ къ изголовью,
Какъ въ сказкѣ, лежу я подъ райскою сѣнью,
И призрачной былъ я исполненъ любовью,
И ты мнѣ казалась воздушною тѣнью.

Забывъ о борьбѣ, о тоскѣ, о проклятыяхъ,
Какъ нектаръ, тревогу я пилъ неземную,—
Какъ будто лежалъ я не въ грѣшныхъ объятыхъ,
Какъ будто лелѣялъ я душу родную.

ДВА ГОЛОСА.

Скользятъ стрижи въ лазури неба чистой.

— Въ лазури неба чистой горитъ закатъ.—

Въ вечерній часъ какъ нѣженъ лугъ росистый!

— Какъ нѣженъ лугъ росистый, и прудъ, и садъ!—

Вечерній часъ—предчувствіе полночи.

— Въ предчувствіи полночи душа дрожитъ.—

Предъ красотой минутной плачутъ очи.

— Какъ горько плачутъ очи! Какъ мигъ бѣжитъ!

ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ.

Ландыши, лютики. Ласки любовныя.
Ласточки лепеть. Лобзанье лучей.
Лѣсъ зеленѣющій. Лугъ расцвѣтающій.
Свѣтлый свободный журчащій ручей.

День догораетъ. Закатъ загорается.
Шопотомъ, ролотомъ роши полны.
Новый восторгъ воскресаетъ для жителей
Сказочной свѣтлой свободной страны.

Вѣтра вечерняго вздохъ замирающій.
Полной Луны перемѣнчивый ликъ.
Радость безумная. Грусть непонятная.
Мигъ невозможнаго. Счастія мигъ.

РАБСТВО.

Ты льнешь ко мнѣ, какъ гибкая лоза,
И всѣ твои движенія красивы,
Твоихъ волосъ капризные извивы
Пышнѣе, чѣмъ полночная гроза.

Настолько же прекрасны, какъ и лживы,
глубокіе спокойные глаза,
Гдѣ искрится притворная слеза,
Гдѣ видны сладострастные порывы.

Тотъ будетъ твой безвольный рабъ всегда,
Кого ты отравила поцѣлуемъ,
Въ немъ прошлое погибнетъ безъ слѣда.

Въ немъ вѣчно будетъ жгучая вражда
Къ тому, чѣмъ прежде былъ онъ такъ волнуемъ,
Къ святынѣ, что погасла, какъ звѣзда.

КОШМАРЪ.

Въ печальный мигъ, въ печальный часъ ночной,
Въ альковѣ пышномъ, полномъ аромата,
Покоилась она передо мной,
Дремотою изнѣженной объята.

И понялъ я, что мнѣ ужъ нѣтъ возврата
Къ прошедшему, къ лазури неземной:—
Я увидалъ не человѣка-брата,
Со мною былъ бездушный звѣрь лѣсной.

Незримыми нѣмыми голосами
Душа моя наполнилася вдругъ
Отъ этихъ губъ, отъ этихъ ногъ и рукъ.

Мгновенія смѣнялися часами,
И видѣлъ я вездѣ—вездѣ вокругъ—
Змѣю съ полузакрытыми глазами.

Нѣтъ, мнѣ никто не сдѣлалъ столько зла,
Какъ женщина, которая твердила
Мнѣ каждый мигъ: „Люблю тебя, люблю!“

Она украдкой кровь мою,
Какъ злой вампиръ, пила,
Она во мнѣ все чистое убила,
Она меня къ могилѣ привела.

Забывъ весь міръ, забывъ, что люди, братья,
Томятся гдѣ-то тамъ, во тьмѣ, вдали,
Я заключилъ въ преступныя объятія
Тебя, злой духъ, тебя, о, перль Земли.
Озарены больнымъ сіяньемъ луннымъ,
Окутаны туманной полумглою,
Подобно духамъ тьмы иль звукамъ струннымъ,
Витаемъ мы межъ Небомъ и Землей.

Твой образъ, то насмѣшливый, то милый,
Мнѣ грезится въ какомъ-то смутномъ снѣ,
Цвѣты любви собирая надъ могилой,
Я вижу, какъ ты гробъ готовишь мнѣ.

ЛАСТОЧКИ.

Земля покрыта тьмой. Оконченъ день заботъ.
 Я въ царствѣ чистыхъ думъ, живыхъ очарованій.
 На башнѣ вдалекѣ протяжно полночь бьетъ,
 Часъ тайныхъ встрѣчъ, любви, блаженства, и ры-
 даній.

Невольная въ душѣ тоска растетъ, растетъ.
 Встаетъ передо мной толпа воспоминаній,
 То вдругъ отпрянетъ прочь, то вдругъ опять приль-
 нетъ
 Къ груди, исполненной несбыточныхъ желаній.

Такъ въ знойный лѣтній день, надъ гладью водъ
 рѣчныхъ,

Порою ласточка игриво пронесется,
 За ней вослѣдъ толпа сестеръ ея живыхъ.

Веселыхъ спутницъ рой какъ будто бы смѣется,
 Щебечуть громко всѣ,—и каждая изъ нихъ
 Лазури водъ на мигъ крыломъ своимъ коснется.

ВЪ СТОЛИЦЪ.

Свѣжій запахъ душистаго сѣна мнѣ напомнилъ да-
 лекіе дни,
 Невозвратнаго свѣтлаго дѣтства предо мной заго-
 рѣлись огни,
 Предо мною воскресло то время, когда міръ я без-
 грѣшно любилъ,
 Когда не былъ еще человѣкомъ, но когда уже бо-
 гомъ я былъ.

Мнѣ снятся родные луга,
 И звонкая пѣсня косца,
 Зеленаго сѣна стога,
 Веселье и смѣхъ безъ конца.
 Іюльскаго дня красота,
 Зарница іюльскихъ ночей,
 И дѣтскаго сердца мечта
 Въ сіяньи нездѣшнихъ лучей.
 Протяжное лѣнье стрекозъ,
 Чуть слышныя всплески рѣки,
 Роптаніе липъ и березъ,

Въ полуночной тьмѣ свѣтляки.
И все, что въ родной сторонѣ
Меня озарило на мигъ,
Теперь пробудило во мнѣ
Печали пѣвучій родникъ.

И зачѣмъ истомленною грудью я вдыхаю живой
ароматъ,
Вспоминая луга съ ихъ раздольемъ, и забытый за-
пущенный садъ?
Свѣжій запахъ душистаго сѣна только болью тер-
заетъ меня:—
Онъ мнѣ душною ночью напомнилъ отлетѣвшія ра-
дости дня.

ГРУСТЬ.

Внемля вѣтру, тополь гнется, съ неба дождь осен-
 ній льется,
 Надо мною раздается мѣрный стукъ часовъ стѣн-
 ныхъ,
 Мнѣ никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
 И изъ устъ невольно рвется монотонный грустный
 стихъ,
 И какъ тихій дальній топотъ, за окномъ я слышу
 ропотъ,
 Непонятный странный шопотъ—шопотъ капель дож-
 девыхъ.
 Отчего такъ вѣтру скучно? Плачетъ, ноетъ онъ
 докучно,—
 И въ отвѣтъ ему стозвучно капли бьются и бѣ-
 гутъ,
 Я внемлю, мнѣ такъ же скучно, грусть со мною
 неразлучна,
 Равномѣрно, однозвучно риѣмы стройныя текутъ,
 Въ эту пору непогоды, подъ унылый плачь Природы
 Дни, мгновенья, точно годы—годы медленно идутъ.

* * *

Въ полѣ искрилась роса,
Въ небесахъ царилъ покой,
Молодые голоса
Звонко пѣли за рѣкой.

Но межъ тѣмъ какъ пѣсни звукъ
Озарялъ нѣмую даль,
Точно тѣнь, бродила вокругъ
Неутѣшная печаль.

И, скорбя о трудномъ днѣ,
Гдѣ-то духъ страдалъ людской,
Кто-то плакалъ въ тишинѣ
Съ безконечною тоской.

СМЕРТЬ.

Суровый призракъ, демонъ, духъ всесильный,
Владыка всѣхъ пространствъ и всѣхъ времянь,
Нѣтъ дня, чтобъ жатвы ты не снялъ обильной,
Нѣтъ битвы, гдѣ бы ты не бралъ знаменъ.

Ты шлешь очамъ безсоннымъ сонъ могильный,
Несчастному, кто къ пыткамъ присужденъ,
Какъ вольный вѣтеръ, шепчешь въ кельѣ пыльной,
И свѣтъ даришь тому, кто тьмой стѣсненъ.

Ты всѣмъ несешь свой даръ успокоенья,
И даже тѣмъ, кто суетной душой
Исполненъ дерзновеннаго сомнѣнья.

Къ тебѣ, о, царь, владыка, духъ забвенья,
Изъ бездны золь несется возгласъ мой:—
Приди. Я жду. Я жажду примиренья!

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ.

Жизнь утомила меня.
 Смерть, наклонись надо мной!
 Въ небѣ—предчувствіе дня,
 Сумракъ блѣднѣетъ ночной...
 Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
 Въ утренней дѣвственной мглѣ,
 Дубъ залепечетъ съ сосной.
 Грустно поникнетъ къ землѣ
 Ласковый ландышъ лѣсной.

Вѣстникъ безсмертнаго дня,
 Гдѣ-то зашепчетъ родникъ,
 Гдѣ-то проснется, звеня...
 Въ этотъ таинственный мигъ,
 Смерть, убаюкай меня!

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Смерть.	11
Фантазія	13 ✓
Зарница.	15
Молитва	16
Лунный свѣтъ.	17
Нить Аріадны.	18 ✓
Уходить свѣтлый Май.	19
Одна есть въ мірѣ красота.	20 ✓
Болото	21
Безъ улыбки, безъ словъ	22
Родная картина	23
Зачѣмъ?	24
Мнѣ ненавистенъ гуль гигантскихъ городовъ	25
Я знаю, что значить—безумно рыдать	26
У Скандинавскихъ скаль	27
Призракъ	28
У фьорда	29
Зарождающаяся жизнь	30
Норвежская дѣвушка	31
* * *	32
Чайка	33
Горный король	34
Картинка.	36
О, если бѣ мнѣ сердце холодное	37
Мечта.	38
Когда между тучекъ туманныхъ	39
Я разстался съ печальной Луною	40

Разлука.	41
Есть красота въ постоянствѣ страданія	43
Колыбельная пѣсня	44
Пѣснь Юдиѳи	46
Августъ.	48
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!	49
Памяти И. С. Тургенева.	50
Заря	55
Духи чумы	56
Челнѣ томленья	58
О, женщина, дитя	59
Цвѣтокъ	60
Дышали твои ароматныя плечи	61
Два голоса	62
Пѣсня безъ словъ	63
Рабство.	64
— Кошмаръ.	65
— Нѣтъ, мнѣ никто не сдѣлалъ столько зла	66
Ласточки.	68
Въ столицѣ	69
Грусть	71
Въ полѣ искрилась роса	72
Смерть.	73
Смерть, убаюкай меня!	74

Эта книга отпечатана въ типографіи В. И. Воронова
преемникъ Ѳ. Л. Гавриленко, Москва, въ коли-
чествѣ 5.000 экземпляровъ на обыкновенной бумагѣ и
300 нумерованныхъ экземпляровъ на бумагѣ верже.

ПОДЪ СѢВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ.
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ТЫСЯЧА.